

АНТРОПОЛОГИЯ ПАМЯТИ

ЭО, 2008 г., № 3

© В.В. Полещук

"ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ" В ЭСТОНИИ: ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В 2004 г. в Эстонии получили начало события, которые сразу же были названы "войной памятников", – стихийные либо же хорошо организованные выступления против монументов советским солдатам, стоящих, как правило, на братских могилах периода Второй мировой войны. Начались события с монтажа памятника "эстонским солдатам в немецкой форме" в местечке Лихула в сентябре 2004 г., а кульминации достигли в апреле 2007 г., когда демонтаж так называемого Бронзового солдата на площади Тынисмяги в Таллине повлек за собой массовые беспорядки в столице и некоторых городах северо-востока Эстонии.

Российские средства массовой информации, сообщая о нападениях на памятники советским солдатам, как правило, рассматривали их как проявление фашистских настроений в странах Балтии. Схожих взглядов придерживалось и российское внешнеполитическое ведомство. Так, 23 апреля 2007 г. МИД РФ повторно и безуспешно призывал эстонские власти "отказаться от планов по переносу памятника и захоронения (на Тынисмяги), которые по сути направлены на пересмотр роли стран антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом во Второй мировой войне и противоречат не только нормам международного права, но и элементарным принципам человеческой морали и гуманизма" (Официальное сообщение 2007).

Хотя ко многим событиям "войны памятников" действительно имеют самое непосредственное отношение правые радикалы и скинхеды, проблема намного сложнее. На наших глазах в Эстонии происходит столкновение двух конкурирующих общинных мифов, один из которых касается "великой победы советского народа во Второй мировой войне", а другой – "угнетения и сопротивления в годы Второй мировой войны тоталитарному сталинскому режиму со стороны эстонцев, которые добивались благих целей даже в немецких мундирах". "Война памятников", формально начавшаяся с конфликта центрального правительства с волостными властями по поводу установки монумента с барельефом автоматчика в эсесовской форме, значительно повлияла на настроения в Эстонии, где еще более очевидным стал раскол между двумя основными этнолингвистическими общинами.

В данной статье нашей задачей будет не определить правильный или ложный подход к событиям Второй мировой войны в Эстонии, но объяснить "войну памятников" и те различия в подходах, которые характерны для представителей основных групп населения страны.

"Война памятников": основные события

Предварительно следует привести основные события "войны памятников", что мы сделаем с опорой на ранее выполненные нами подборки фактов (Полещук 2004, 2006, 2007а, 2007б).

В 2002 г. в курортном г. Пярну девять дней простоял монумент эстонцам, воевавшим на стороне немцев в годы Второй мировой войны. Он был демонтирован в ответ на давление со стороны центральных властей, озабоченных имиджем Эстонии за рубежом. В августе 2004 г. тот же монумент собрались установить в Лихула. После некоторых корректировок он приобрел следующий вид: барельеф автоматчика в эсэсовской форме и каске, на мундире – значок ордена "Крест свободы Эстонии" и немецкая награда "Железный крест". Скорректированный текст выглядел следующим образом: "Эстонским мужчинам, которые воевали в 1940–1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии". Тогдашний премьер-министр Ю. Партс, во многом по внешнеполитическим соображениям, пытался оказать давление на лихулаские власти, чтобы не допустить открытия монумента, однако успеха не имел. Центральной в этом конфликте оказалась фигура волостного старейшины Т. Мадиссона – политика крайне правового толка.

Лихулаский монумент простоял лишь две недели: он был убран 2 сентября 2004 г. по решению республиканского правительства. Формально такую возможность давал тот факт, что его установили на государственной земле без соответствующего разрешения. Происходило это уже в сумерках, причем место было оцеплено полицейскими со служебными собаками. Возбужденная толпа (в основном подростки) стала забрасывать камнями автокран, в результате чего ранение получил его водитель и полицейский. Каких-либо серьезных последствий для жителей Лихула такое противоправное поведение не имело.

Специалисты-семиотики, проводившие экспертизу памятника по заказу полиции, пришли к выводу, что он не возвеличивает нацизм. Тем не менее "отклонение от того, что принято называть хорошим тоном, привело к крайне противоречивому толкованию содержания памятника и пространственному конфликту на месте его установки" (напротив братской могилы советских солдат). На основании этой экспертизы следствие, начатое по подозрению в разжигании национальной розни, было полицией прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения. В октябре 2005 г. памятник был торжественно открыт на территории частного военного музея в Лагеди под Таллином (*Гаранжа* 2005).

В специальном заявлении позиция руководства страны объяснялась следующим образом: "Правительство высоко ценит храбрость людей, боровшихся во времена разных оккупаций за независимость и свободу Эстонии, и считает важным увековечить их память...". Однако делать это следует "достойно, уважая подлинные цели и мотивы этих людей, а не навязанный им другими мундир" (Пресс-релиз 2004). После событий в Лихула правительство решило увековечить память тех эстонцев, которые в годы Второй мировой войны сражались против Красной Армии на территории Эстонии, итогом чего стало появление нового (третьего по счету) монумента в Маарьямяэ в Таллине. Памятник представляет собой три больших креста, возле которых расположены таблички с названиями соответствующих немецких военных частей, в том числе и с именем Эстонского легиона (20-я дивизия СС).

Сразу после лихуласких событий с резкой критикой кабинета выступили националистические партии и отдельные общественные деятели. Телефонный опрос социологической фирмы "Фактум" показал, что мнения эстонцев и русских (русскоязычных) по данному вопросу разделились: несправедливым назвали действия правительства 58% эстонцев (против 29%) и 25% русских (против 64%). У эстонцев больше всего несогласных с властями было среди молодых (15–29 лет) и среди лиц с начальным образованием. События в Лихула подорвали авторитет премьер-министра, который ушел в отставку в апреле 2005 г.

Осенью 2004 г. печальным следствием лихулаской полицейской операции стало принявшее массовый характер осквернение памятников и обелисков советским воинам по всей Эстонии. Следующий всплеск подобной активности пришелся на апрель–

май 2005 г. Одновременно с этим в националистических кругах муссировался вопрос о сносе монумента солдатам Красной Армии на Тынисмяги в Таллине ("Бронзового солдата"). Однако тогда данная проблема не оказалась в центре общественного внимания.

В начале марта 2005 г. стало известно, что эстонский президент А. Рюйтель отклонил приглашение приехать 9 мая в Москву на торжества, посвященные 60-летию окончания Великой Отечественной войны. В обращении президента от 7 марта 2005 г. объяснения этого шага сводились к тому, что с победой СССР над Германией в стране укрепился советский режим, от которого пострадали Эстония и эстонцы. В оценках решения А. Рюйтеля (кстати, бывшего секретаря ЦК КП Эстонии) вновь проявились различия между эстонцами и неэстонцами. По данным социологической фирмы "Саар Полл", в поддержку президента высказались 61,0% эстонцев и лишь 6,2% неэстонцев, "против" были, соответственно, 21,5 и 91,1%. Примечательно, что различия между гражданами и негражданами из числа неэстонцев были незначительными: 9,3% граждан Эстонии из меньшинств поддержали решение А. Рюйтеля, "против" высказались 88,4% (*Sildam 2005*).

В мае 2006 г. "война памятников" получила второе дыхание, поводом к чему стали события вокруг "Бронзового солдата". Пикантности ситуации с переносом памятника придавало его местоположение: он находился напротив зданий Полиции безопасности (эстонской спецслужбы), Национальной библиотеки и главного лютеранского собора страны. С призывом сноса "Бронзового солдата" неоднократно выступали националистические партии, особенно "Исамаалийт". Стоявший в центре столицы монумент находился на муниципальной земле, а городские власти, несмотря на многочисленные обсуждения, решения о сносе или переносе памятника так и не приняли. Однако сам монумент за последнее десятилетие стал выглядеть по-другому. Первоначально был погашен горевший перед ним "вечный огонь". Затем были удалены таблички с именами советских солдат, захороненных на этом месте. В конце 1990-х годов на памятнике появились таблички на эстонском и русском языках, превратившие его в общий монумент всем павшим во Второй мировой войне.

Памятник на Тынисмяги становился центром торжеств русской общины дважды в год: 9 мая и 22 сентября (22 сентября 1944 г. – знаковая дата, ибо именно в этот день части Красной Армии вступили в Таллин). В День Победы монумент обычно посещало несколько тысяч человек. Как правило, с утра ветеранские организации проводили торжественное возложение венков. После этого в течение рабочего в Эстонии дня к "Бронзовому солдату" приносили цветы обычные горожане, причем одновременно у памятника могло находиться несколько сот человек.

9 мая 2006 г. таллинские власти санкционировали у монумента два мероприятия: возложение венков от ветеранских организаций и пикет противников памятника. Хотя к началу пикета официальное мероприятие ветеранов уже закончилось, у монумента, как и все предыдущие годы, находились сотни людей, пришедших возложить цветы. Пикет состоял из нескольких человек, в руках которых были государственный флаг и плакат: "Эстонский народ, не забудь: этот солдат оккупировал нашу землю и депортировал наш народ". Простояв у кромки заполненной народом площади, пикетчики через несколько минут были вытеснены на проезжую часть, откуда их эвакуировали в полицейском автобусе.

Ранее эстоноязычная пресса не уделяла особого внимания празднованию 9 Мая в Эстонии. Однако в 2006 г. события у "Бронзового солдата" были освещены ею достаточно подробно, причем в негативном ключе (так, раздавались безосновательные утверждения об оскорблении толпой русских эстонского флага). Уже на следующий день известные эстонские радикалы Т. Мадиссон и Ю. Лийм с группой единомышленников пригрозили демонтировать памятник, сделав следующее заявление: "Мы обещаем, что к следующей годовщине Эстонской Республики памятника, символизирующе-

го советскую оккупацию, на Тынисмяги больше не будет". Прозвучали угрозы взорвать монумент.

20 мая 2006 г. несколько сот человек провели "патриотическую акцию" возле "Бронзового солдата". Кроме организаторов пикета 9 мая и соратников Т. Мадиссона к монументу пришло немало эстонцев разных возрастов с государственными флагами (включая скинхедов). Вечером того же дня памятник был измазан красками цветов эстонского флага. На следующей неделе возле "Бронзового солдата" по ночам стал появляться так называемый ночной дозор – добровольцы из числа русской молодежи, которые охраняли памятник от вандалов.

Далее противники монумента заявили о своем намерении провести 27 мая пикник возле "Бронзового солдата". Среди молодежи из русской общины стали распространяться призывы тоже прийти к монументу и, заполнив пространство перед памятником, сделать невозможным проведение подобного мероприятия у могил. Таллиннская полиция сработала весьма оперативно и предотвратила столкновение десятков людей, пришедших к "Бронзовому солдату": толпу эстонцев и толпу русских разделили, после чего последние были оттеснены в сторону одной из центральных столичных площадей.

После этих событий власти оставили ограждение у площади возле памятника и выставили полицейский патруль. 21–22 сентября 2006 г. в Таллине наблюдались как санкционированное собрание националистов, так и административно наказуемое "незаконное" собрание социально активной русской молодежи напротив ограждения с цветами и свечами. 9 октября 2006 г. полицейские ленты были сняты: доступ к памятнику был открыт накануне визита английской королевы.

Ключевой фигурой в деле о переносе монумента был премьер-министр страны А. Ансип, который активно использовал тему "символа советской оккупации" в ходе предвыборной кампании. Эта тактика дала свои результаты на состоявшихся в марте 2007 г. выборах, позволив возглавляемой А. Ансипом Реформистской партии оттянуть на себя часть голосов националистического электората. По данным социологической службы "ТНС Эмор", в начале апреля 2007 г. поддержка нового правительства среди эстонцев составляла 77% (среди неэстонцев – только 21%). Тогда же лишь 5% эстонцев и 13% неэстонцев считали, что вопрос о памятнике на Тынисмяги относится к одной из двух насущнейших проблем правительства (Сообщение 2007а).

На 9 мая 2007 г. русская общественность ожидала провокаций преимущественно от крайне правых эстонцев. Но в ночь на 26 апреля 2007 г. была проведена полицейская операция, в ходе которой с площади на Тынисмяги были вытеснены дежурившие там защитники монумента. Над памятником и местом захоронений был поставлен шатер. С юридической точки зрения там проводились работы по эксгумации покоившихся на Тынисмяги останков советских воинов, что осуществлялось на основании закона "О воинских захоронениях", который был специально принят в январе 2007 г. Закон делает отсылку к ст. 34 Первого дополнительного протокола к Женевской конвенции 1949 г., однако дает заведомо расширительное толкование соответствующих положений. Перезахоронение останков, по эстонскому закону, позволяет переносить и "надгробные сооружения" (ст. 10).

К вечеру 26 апреля 2007 г. на Тынисмяги собралась достаточно большая группа людей, в основном русскоязычных, которые выражали свое недовольство действиями властей. Толпа скандировала: "Позор!" и "Фашисты!". Полиция приказала людям разойтись, что не было выполнено. Правоохранительные органы приступили к разгону митинга с применением спецсредств, действуя весьма жестко. В ответ некоторые участники митинга стали бросать камни. Митингующие были оттеснены с Тынисмяги на близлежащие улицы, где вскоре начали совершаться акты вандализма, а позднее (при малопонятной пассивности правоохранительных органов) – грабежи киосков и магазинов. Уже в первую ночь беспорядков полиция проводила массовые задержания

людей на улицах, в том числе тех, кто протестовал возле памятника на Тынисмяги. Задерживались и правонарушители, которые были причастны к актам вандализма.

Ранним утром 27 апреля 2007 г. по решению республиканских властей памятник на площади был демонтирован (через несколько дней его установили на городском военном кладбище). Вечером того же дня на Тынисмяги вновь собрались протестующие. Полиция сменила тактику и сразу прибегла к массовым задержаниям возле площади Тынисмяги и в достаточно большом радиусе от нее. В Таллине вновь вспыхнули беспорядки, которые наблюдались также в населенных преимущественно русскоязычными городах северо-востока Эстонии. В столице полиция блокировала в центре целые кварталы и проводила массовые задержания находившихся там лиц, в особенности говорящих по-русски. 28 апреля эти акции продолжались.

Задержания проводились крайне жестко: в ход шли дубинки, резиновые пули и пластиковые стяжки в качестве наручников; людей заставляли лечь на землю. Задержанных отвозили в "фильтрационные пункты". Большинство из них не были причастны к совершению каких-либо правонарушений: к утру их отпускали без предъявления каких-либо обвинений, но и без извинений. Всего, по сообщению Пыхьяской префектуры полиции, в списках "фильтрационных пунктов" фигурирует более 1 тыс. имен.

С 30 апреля до 11 мая 2007 г. все без исключения уличные мероприятия в Таллине были запрещены. Это делало затрудненным какое-либо открытое выражение недовольства действиями властей. Некоторая часть русскоязычного населения участвовала в конце апреля – начале мая в акциях гражданского неповиновения, которые заключались в медленной езде по улице с подачей звукового сигнала.

Апрельские массовые беспорядки стали беспрецедентным событием в новейшей истории Эстонии.

Общественное мнение об апрельских событиях

В июне 2007 г. фирмой "Саар Полл" был проведен социологический опрос населения, посвященный событиям конца апреля 2007 г. Если 51% опрошенных эстонцев считал решение властей о переносе монумента "совершенно верным" и 28% – "скорее верным", то среди неэстонцев так ответили, соответственно, 4 и 7%. Среди представителей меньшинств 40% респондентов, отвечая на вопрос о правильности такого решения, выбрали вариант "скорее нет, нужно было искать другое решение этой проблемы" и 36% – "вообще нет, я полностью против". Столь же диаметрально противоположными были и оценки деятельности правительства по разрешению апрельского кризиса. Если большинство эстонцев оценили ее как "очень удачную" (23%) или "скорее удачную" (43%), то ответы неэстонцев были поделены преимущественно между теми, кто считал эту деятельность "совершенно неудачной" (56%) или "скорее неудачной" (28%) (Saar 2007: 27–28).

Судьба "Бронзового солдата" активно обсуждалась в эстоно- и русскоязычной прессе. По выводам авторов специального мониторинга, осуществленного в начале кризиса, в мае–июле 2006 г., «среди утверждений (в СМИ) преобладали высказывания о том, что отношение эстонцев и русских к переносу монумента противоположное и что "Бронзовый солдат" как памятник оккупации не должен находиться в центре города. Также в русскоязычных средствах массовой информации очень хорошо было представлено мнение о том, (что) желание эстонцев перенести монумент является по своей сути националистическим (если не сказать – фашистским). Отсюда вытекает и заключение о том, что и в эстонском, и в русском медиа-пространстве очень большую роль в аргументации за или против переноса монумента играет национальное сознание» (Отражение 2006: 11).

В мае–июне 2007 г. в эстонских СМИ появились многочисленные публикации журналистов и экспертов с различными интерпретациями массовых беспорядков в апреле

2007 г. В ходе опроса "Саар Полла" в июне 2007 г. респондентам было предложено высказаться по поводу наиболее распространенных объяснений, озвученных в СМИ. Если подавляющее большинство эстонцев ссылалось на действия провокаторов, вмешательство России, "неправильное" информирование местных русских через СМИ и различия в исторических интерпретациях, то неэстонцы винили в этом прежде всего недостатки работы или неверные решения правительства и полиции, политизированность вопроса. Половина русскоязычных респондентов также считала, что апрельские беспорядки были протестом против политики эстонского государства в отношении неэстонцев. Выказывалась поддержка и иным мнениям (см. Табл. 1).

Ниже мы рассмотрим самые "популярные" объяснения "войны памятников" в целом и апрельских событий в частности с учетом этнических особенностей проблемы.

Исторические интерпретации: этнические особенности

В самом начале 1990-х годов, в ходе борьбы за независимость от СССР, лидеры "Поющей революции" очень скоро пришли к консенсусу, что Эстония была в 1940 г. оккупирована Советским Союзом. После 1991 г. подобное видение событий властями сомнению не подвергалось. В том же ключе трактуются и прочие факты недавней истории: в 1940–1941 гг. имела место "первая советская оккупация", 1941–1944 гг. – "немецкая оккупация", 1944–1991 гг. – "вторая советская оккупация". Согласно официальному подходу, независимая Эстонская Республика существовала в 1940–1991 гг. де-юре, но не де-факто. Также утверждается, что одновременно с отходом немецких войск в 1944 г. в Эстонии несколько дней (до того, как Красная Армия взяла под контроль всю материковую часть республики) работало эстонское правительство под руководством О. Тиефа (*Parmas* 2006). Это обстоятельство имеет скорее символическое значение в контексте утверждений о преемственности независимой Эстонской Республики.

Отсылка к правопреемственности провозглашенной 24 февраля 1918 г. Эстонской Республики установлена в Конституции Эстонии (преамбула), в решении Верховного совета Эстонской Республики от 20 августа 1991 г. "О государственной независимости Эстонии" и в декларации парламента от 7 октября 1992 г. "О восстановлении конституционной государственной власти". Эстонская сторона считает до сих пор действующим Тартуский мирный договор от 2 февраля 1920 г., в котором большевистская Россия признала независимость Эстонии. Российская сторона, как известно, преемственность нынешней Эстонской Республики не признает, равно как и считает утратившим в 1940 г. силу Тартуский мирный договор.

Представление о советском периоде как об оккупации было важной составляющей государственного строительства после 1991 г., а также служило оправданием той этнополитики, которая проводилась в отношении русских и других групп населения, поселившихся в Эстонии преимущественно после Второй мировой войны. Как видно из данных недавнего опроса в Таллине (Табл. 2), отношения к этим событиям существенно отличаются у эстонцев и неэстонцев. Отметим, что это касается и тех неэстонцев, которые стали гражданами Эстонии после особой процедуры натурализации (причем многие из них сдавали специальный экзамен на гражданство в то время, когда он включал вопросы по истории). Более того, четверть опрошенных неэстонцев составляет молодежь до 30 лет, школьные годы которых хотя бы частично пришлось на период после 1991 г., когда в независимой Эстонии радикально изменилось содержание учебников по истории. Иными словами, ту или иную оценку событий нельзя свести только к незнанию каких-либо фактов (*Полещук* 2005: 32).

Согласно официальному подходу, Эстония во Второй мировой войне не участвовала. В то же время хорошо известно, что эстонцы все-таки воевали либо в Красной Армии (прежде всего в Эстонском стрелковом корпусе), либо в немецкой армии (в том

Таблица 1

Ответ на вопрос: «В средствах массовой информации выражались различные мнения о причинах связанных с переносом “Бронзового солдата” беспорядков, произошедших в Таллине и других местах. Каково Ваше мнение?» (Эстония, июнь 2007 г.), % согласных с утверждением

Волнения связаны с...	Этническая группа	
	Эстонцы	Неэстонцы
решением правительства убрать памятник и перезахоронить останки солдат	55	70
протестом против политики эстонского государства в отношении неэстонцев	24	51
взаимным непониманием и обидами русских и эстонцев	35	37
различной культурой и обычаями русских и эстонцев	45	21
недостатком общения между правительством и русскоязычным сообществом	44	56
тем, что эстонцы и русские получают информацию из разных средств массовой информации	71	36
желанием России использовать “Бронзового солдата” для дестабилизации обстановки в Эстонии и демонстрации своего влияния	73	13
деятельностью “разжигателей розни” и провокаторов	74	31
обидой и чувством отчуждения среди русскоязычного населения	32	39
различиями между преподаванием истории и граждановедения в школе с русским и эстонским языком обучения	60	28
различным опытом и воспоминаниями эстонцев и русских, связанными с войной	65	38
противоречивой и недостаточной информацией, связанной с намерениями и шагами по переносу “Бронзового солдата”	44	59
различным толкованием фашизма русскими и эстонцами	60	50
подражанием известным уличным беспорядкам (Париж, Копенгаген и др.), увиденным по телевизору	28	15
различным толкованием русскими и эстонцами факта присоединения Эстонии к СССР	64	34
деятельностью российских спецслужб	42	7
различной оценкой русскими и эстонцами результатов пребывания Эстонии в составе СССР	57	29
желанием политиков заработать голоса избирателей на переносе “Бронзового солдата”	20	58
разной интерпретацией эстонцами и русскими собраний русскоговорящих возле “Бронзового солдата”	44	38
конфликтом геополитических интересов крупных международных игроков	44	38
различным отношением эстонцев и русских к советской системе	57	31
тем, когда и как был перенесен памятник	32	70
деятельностью полиции во время беспорядков	18	63

Источник: Saar 2007: 28–29.

числе в добровольческих военных частях СС – Ваффен-СС). То, что ветераны Великой Отечественной войны называют “освобождением Эстонии от немецко-фашистских захватчиков”, официально в Эстонии трактуется как “начало второй советской

Таблица 2

Ответы на вопрос: “В 1940 г. была провозглашена Эстонская Советская Социалистическая Республика и Эстония оказалась в составе СССР. Ваша оценка этого события?”
(Таллин, сентябрь 2005 г.), %

Ответы	Этническая группа	
	Эстонцы	Неэстонцы
Это была военная оккупация, которая продолжалась до 1991 г.	64,3	7,2
Это было присоединение Эстонии к СССР под угрозой применения силы	27,1	31,2
Это было добровольное вступление Эстонии в СССР	0,9	39,5
Затрудняюсь ответить	7,7	22,1
Всего	100,0	100,0

Источник: *Полецук* 2005: 32.

оккупации". В 2002 г. тогда бывший министр иностранных дел, а ныне президент Эстонии Т.Х. Ильвес дал такую оценку 22 сентября 1944 г.: «Надо иметь очень ограниченное понимание истории и принимающей страны, чтобы называть "освобождением" смену одной группы бандитов, насильников и убийц другой» (*Ilves* 2002: 323).

При этом эстонцы, которые в форме солдат СС пытались остановить прохождение советских войск по территории республики, обычно считаются борцами за свободу Эстонии, не хотевшими повторения в республике ужасов сталинских репрессий. Их зачастую отождествляют с участниками Освободительной войны*. Например, премьер-министр Эстонии А. Ансип заявил 8 июля 2006 г. участникам слета борцов за свободу, адресуя эти слова в основном тем, кто служил в годы войны в немецкой армии, а так же "лесным братьям": "Ваша борьба явилась подвигом, который нужно высоко ценить как сейчас, так и в будущем. Пусть государственная независимость Эстонии не была тогда восстановлена, тем не менее, ваша борьба сыграла важную роль в том, что народ Эстонии смог сохранить свое стремление к свободе в течение всей советской оккупации. Ведь вы всегда между собой говорили – да, мы проиграли сражение, но в итоге мы все же выиграли эту войну!" (Пресс-релиз 2006). Героизация воевавших в немецких мундирах эстонцев проводилась постепенно. Тот же А. Ансип в советское время работал в Тартуском райкоме партии и вряд ли тогда подписался бы без колебаний под подобными утверждениями. Однако следует отметить, что указанная выше трактовка новейшей истории попала сейчас в общую для эстоно- и русскоязычных школ школьную программу.

События Второй мировой войны и современность

Активное участие эстонцев в войне на стороне немцев обычно объясняют сталинскими репрессиями, обрушившимися на Эстонию в 1940–1941 гг. Согласно заключению исторической комиссии, созданной эстонским президентом Л. Мери, в 1940 г. НКВД арестовал в Республике почти 1 тыс. человек, причем, по крайней мере, 250 из них были казнены, а 500 умерли в заключении. В 1941 г. было арестовано уже 6 тыс. человек, из которых казнены более 1600 и умерли в заключении почти 4 тыс. Более 2 тыс. гражданских лиц были убиты летом–осенью 1941 г. сотрудниками НКВД,

* Так эстонская историография называет военные действия в ходе Гражданской войны 1917–1922 гг. на территории Эстонии, закончившиеся признанием в феврале 1920 г. большевистским правительством эстонской независимости.

истребительными отрядами, отступающими частями Красной Армии и т.п. (Выводы: 11, 13).

В июне 1941 г. из Эстонии выслали более 10 тыс. человек – политически неблагонадежных лиц (крупные собственники, участники "контрреволюционных" организаций, офицеры и другие с членами семей), уголовных элементов и проституток, не оставивших прежних занятий. Среди депортированных две трети – женщины и дети младше 16 лет. Из этого числа примерно 3 тыс. мужчин и 150 женщин были помещены в лагеря, где большинство из них казнено или умерло (Там же: 12). О влиянии депортации 1941 г. на настроения среди эстонцев можно узнать из составленных казенным языком протоколов допросов в КГБ тех лиц, которые сотрудничали с немецкой оккупационной администрацией. Например, некто Р. Ньюд показал, что "перед началом войны началось выселение из Эстонии некоторых жителей. Хотя из моих родственников никого это выселение не коснулось, но некоторые мои знакомые были высланы в 1941 г. из Эстонии. Это мероприятие Советской власти вызвало у меня недовольство и обиду..." (Преступления 2006: 179). Ньюд позднее служил в "Омакайтсе" – созданной с разрешения немцев организации, обеспечивающей "порядок" в немецком тылу, и участвовал в расстрелах заключенных*.

Сталинские репрессии продолжались и после войны: во время второй крупной депортации в марте 1949 г. в отдаленные регионы СССР года было отправлено уже 20702 человека, в основном из сельской местности ("кулаки") (Küüditamine 1990).

Важно, что вопрос о сталинских репрессиях и событиях Второй мировой войны влияет в Эстонии на современный политический дискурс. Это и не может быть по-другому в стране, где по закону "О праздничных днях и памятных датах", 14 июня – годовщина июньской депортации 1941 г. – является траурным днем (ст. 3): вывешиваются государственные флаги с черными лентами и запрещены несовместимые с трауром мероприятия (ч. 2, ст. 3–1). Согласно принятым в феврале 2007 г. поправкам в тот же закон, 22 сентября стало Днем сопротивления.

В годы немецкой оккупации были убиты 950–1000 эстонских евреев, несколько тысяч евреев из других стран и 400–1000 цыган. Кроме того, не менее 7 тыс. человек были казнены по политическим мотивам (из них 6 тыс. этнических эстонцев и 1 тыс. – в основном этнические русские). На территории Эстонии умерли примерно 15 тыс. советских военнопленных (из 30 с лишним тысяч человек). Комиссия отмечает причастность коллаборационистов из числа местного населения к преступлениям против человечности (Выводы: 20–25).

В 1944 г. перед советским наступлением десятки тысяч людей покинули Эстонию, в их числе лица, виновные в преступлениях против человечности и актах геноцида. Комиссия отмечает, что "почти никто из этих людей не отвечал в суде за содеянное. Начало холодной войны стало чем-то вроде амнистии для тех, кто мог заявить, что они боролись против Советской власти, пусть даже в союзе с немцами или под их командованием. И почти никто, за редким исключением, не задавал им вопросов о том, чем они занимались во время войны. Поэтому многие беженцы свободно эмигрировали в

* Следует отметить, что ряд российских историков считает завышенными некоторые данные о жертвах советских репрессий в Эстонии, в том числе и те, что приводятся в отчетах созданной президентом Л. Мери исторической комиссии. В изданной в 2007 г. работе А. Дюков со ссылкой на документы из российских архивов утверждает, что «в результате "первой советской оккупации" в Эстонии было расстреляно 650–700 человек (в том числе 226 в тюрьмах при приближении немецких войск), около 4,6 тыс. граждан Эстонии были направлены в лагеря и колонии ГУЛАГа, а около 6 тыс. – на поселения в отдаленные районы страны. Из числа арестованных и высланных умерло в общей сложности около 5 тыс. человек... В начале войны было уничтожено около тысячи боевиков из вооруженных формирований "лесных братьев»» (Дюков 2007: 111).

Англию, Австралию, Канаду, США и другие страны" (Там же: 28). Признавая эстонцев "нацией-жертвой", созданная эстонскими властями комиссия, тем не менее, подчеркивает: «После войны было естественным, что эстонцы в изгнании и эстонцы в Эстонии приписывали всю вину "оставшемуся угнетателю" – Советскому Союзу. Это объясняет, почему (комиссии) было так трудно иметь дело с немецкой оккупацией. Комиссия считает, что быть жертвой – не значит не совершать преступлений. Люди, уважающие закон, должны признавать совершенные преступления, если они были совершены, осуждать эти преступления и людей, их совершивших» (Там же).

Знаковые различия в исторических оценках нередко встречаются в разделенных противоречиями обществах, и в Эстонии основные общины по-разному интерпретируют события из прошлого страны. Но в нашем случае простая отсылка к межобщинному конфликту не сможет объяснить, почему в Эстонии "исторический антагонизм" приобрел столь причудливые формы. Действительно, согласно официальной точке зрения, Эстония в 1941–1944 гг. была оккупирована фашистской Германией. Следуя формальной логике, эстонцев в немецкой форме следует считать предателями-коллаборационистами. На практике это не так, причем стремление эстонцев видеть позитив в организованном немцами противостоянии наступлению Красной Армии в 1944 г. не сложно объяснить: немецкую оккупацию считают в Эстонии более "легкой", чем советскую. Поскольку советское наступление переросло в "советскую оккупацию до 1991 г.", то СССР выступает уже в роли абсолютного зла, тогда как нацистская Германия – зла относительного. Присоединение Эстонии к СССР в 1940 г. прошло без реального масштабного применения силы – сопротивления не было. Тем более важно в психологическом плане подчеркивание отчаянного сопротивления эстонцев, оказанного в ходе боев с Красной Армией, пусть и под чужими знаменами. От эстонского обывателя наивно ожидать сильного сопереживания трагической судьбе эстонских евреев или цыган при немцах, однако серьезную травму, которую нанесли советские репрессии и особенно депортации, игнорировать нельзя.

Вместе с тем невозможность для большинства местных русских видеть положительные черты в деятельности немецкой армии в годы Второй мировой войны превращает исторические представления в водораздел между двумя основными группами населения страны. Если у эстонских властей еще есть надежда (впрочем, пока не оправдавшаяся) убедить русскоязычных в факте оккупации в 1940 г., то совсем иллюзорной выглядит задача убедить их же в прогрессивной роли, например, Эстонского легиона (20-й дивизии СС). Более того, вместо разумного разделения двух этих вопросов, в последние годы происходит их соединение в некий неразрывный континуум официозных представлений, что делает проблему интеграции на общегражданской основе трудно решаемой.

Несмотря на некоторые официальные заявления, события 1944 г. в Эстонии зачастую не рассматриваются в контексте всей Второй мировой войны. В самом деле, провокационный пикет появился у монумента 9 мая, а не 22 сентября. В то, что 9 мая местные русские отмечали на Тынисмяги не завоевание Эстонии, а какой-то другой праздник, многие политики и обыватели не могут (или не хотят) верить – это доказывают и публикации в эстонской прессе. Разговоры о борьбе с фашизмом эстонцы нередко считают дымовой завесой, а русские рассматривают такое поведение как оправдание фашизма.

Что же касается международного фактора, то эстонские политики и эксперты не оставляют надежду объяснить зарубежным (в том числе российским) коллегам особенности местного понимания истории. Так, известный политолог Р. Ветик анализировал в одной из своих работ обстоятельства, при которых Россия извинится перед Эстонией за 1940 г. Главным тезисом его работы стало утверждение, будто для извинений необходимо «разбить исторические подходы на ряд событий и мыслительный ряд, т.е. признать, что единой и "правильной" истории не существует. Тем самым, Россия

должна признать, что у разных народов существуют свои мыслительные ряды и что эстонское понимание истории не является изначально ошибочным» (Vetik 2006: 7).

Тысячи: политическая активность

Ситуация с памятниками оказалась темой, благодатной для эстонских политиков перед парламентскими выборами в марте 2007 г. (Полещук 2007а). Нет никаких сомнений, что Реформистская партия, руководство которой (особенно премьер-министр А. Ансип) заняло непримиримую позицию противников монумента ("символа советской оккупации"), пыталась привлечь к себе часть националистически настроенных эстонцев, голосовавших на прошлых выборах за "Исамаалит" и партию "Республика". В любом случае, в марте 2007 г. эти ныне объединившиеся партии потеряли 16 мест в парламенте (где имеется всего 101 место), большая часть которых заведомо перешла к реформистам.

Что касается русских граждан Эстонии, то в ходе этих выборов активнее всего с ними работала Центристская партия. В русскоязычной рекламе центристы явно и скрытно позиционировали себя в качестве противников сноса "Бронзового солдата". Принципиальность русских депутатов-центристов противопоставлялась нерешительности двух русских реформистов, которые либо не голосовали, либо не появились в парламенте при обсуждении законов, позволяющих снос/перенос монумента. Голосовать за лидеров центристов призывали известные российские деятели, например, К. Косачев и С. Степашин.

В конечном счете центристы смогли привлечь на свою сторону большую часть того "русского" электората, который раньше голосовал за "русские" партии. Успех последних был более чем скромным. Конституционная партия (бывшая Объединенная народная партия Эстонии) получила всего 1% голосов (в 2003 г. – 2%). Любопытно, что по сравнению с 2003 г. поддержка центристов возросла на 0,7%. Около 1 тыс. голосов оттянул на себя маргинальный список Русской партии Эстонии. В отличие от центристов "русские" партии не получили ни мощной финансовой, ни символической поддержки внутри страны или за ее пределами.

В ходе апрельских событий Центристская партия, которая контролирует муниципалитеты в столице и "русскоязычных" городах северо-востока, оказалась в сложном положении. Таллинские власти пытались затормозить процесс переноса "Бронзового солдата" – эта тема интересовала их русскоязычного избирателя. Именно для преодоления несогласия местных властей был принят закон "О воинских захоронениях", который позволял проигнорировать мнение столичного муниципалитета по вопросу о переносе памятника. Обращение таллинских властей в суд было безуспешным. В "бронзовую ночь" лидер партии и мэр столицы Э. Сависаар не стал выступать с какими-либо призывами к "своим избирателям", как того требовали правые партии. В условиях националистической истерии после апрельских событий такая позиция вызвала негодование у эстонской части населения. Согласно телефонному опросу "ТНС Эмор", проводившемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа "Бронзового солдата" тогда одобряли 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия Ансипа негативно. По тем же данным, личный рейтинг Э. Сависаара среди неэстонцев составлял 56%, а "антирейтинг" среди эстонцев – 81% (Сообщение 2007b).

Массовое выражение недовольства

В ходе опроса в июне 2007 г. половина русскоязычных респондентов солидаризировалась с мнением, что одной из причин апрельских беспорядков стал "протест против политики эстонского государства в отношении неэстонцев". Среди эстонцев так пола-

гала только четверть опрошенных (*Saar* 2007: 29). Что может лежать в основе такой интерпретации событий?

По данным опроса 2005 г., в Таллине треть неэстонцев считала, что "общество расколото, существует явное неравенство (дискриминация)". Правда, уже 59% из них полагали, что раздельное существование общин не сопровождается "видимой дискриминацией". Тем не менее 41% неэстонцев согласился с утверждением, что в Эстонии некоторые этнические группы дискриминируются "часто" и "довольно часто". 48% неэстонцев заявили, что чрезмерное количество эстонцев во власти связано с их этническим происхождением. В целом неэстонцы считали, что у них отсутствуют равные с эстонцами возможности в важных областях социальной жизни (*Полещук* 2005: 26–27). То же исследование показало, что уровень поддержки официальной этнополитики, прежде всего политики интеграции, среди неэстонцев невысок. Одновременно с этим меньшинства демонстрируют высокий уровень поддержки официальных институтов и в массе своей лояльны режиму, что, по мнению авторов исследования, и обеспечивало его стабильность (Там же: 33).

В ходе всеэстонского опроса уже после апрельских событий проводились замеры уровня поддержки властей. Была заметна поляризация между эстонцами и неэстонцами при определении поддержки институтов власти, которые так или иначе были вовлечены в кризис. По данным опроса, президенту *полностью* доверяют 73% эстонцев и *вовсе* не доверяют 55% неэстонцев, правительству – соответственно, 36 и 58%, а полиции – 60 и 51%. Таким образом, принятые властями в отношении "Бронзового солдата" решения привели к кризису доверия к ним среди представителей меньшинств, что вполне могло стать одной из причин апрельских беспорядков. Примечательно, что, по данным опроса, 63% неэстонцев посчитали, что одним из "очень заметных" следствий апрельского кризиса стала "глубокая обида русскоязычных на правительство и недоверие к властям" (*Saar* 2007: 20, 38).

Тот же опрос 2007 г. подтвердил, что неэстонцы не считают, что у них равные возможности с эстонцами во многих сферах общественной жизни. 30% опрошенных неэстонцев неоднократно и 25% в отдельных случаях сами сталкивались с ситуацией, когда "кому-то отдавалось из-за его национальности или языка предпочтение при приеме на работу, на какую-либо должность или при распределении благ". Среди эстонцев таковых было только, соответственно, 4 и 11%. Четверть опрошенных эстонцев и неэстонцев заявили, что сами с такой ситуацией не сталкивались, но "слышали о подобном" (*Ibid.* 2007: 12).

Вопросы безопасности

Официальный Таллин, равно как и большинство эстонцев, отрицает наличие у русскоязычного населения Эстонии каких-либо серьезных проблем, которые могли бы подготовить почву для стихийного выражения недовольства, непосредственным поводом к которому послужила полицейская операция на Тынисмяги. Конфликт по поводу памятника местные спецслужбы, наверняка, запишут в актив российским коллегам. В июне 2007 г. командующий Силами обороны А. Лаанеотс уже заявил, что апрельские беспорядки в Эстонии были "масштабной, одобренной на высоком политическом уровне, тщательно продуманной и подготовленной спецоперацией Российской Федерации против Эстонии" (*Коок* 2007).

В ежегоднике Полиции безопасности (традиционная аббревиатура КАПО) за 2005 г. особый раздел главы "Защита конституционного строя" посвящен деятельности Антифашистского комитета, созданного местными русскими политиками. По словам КАПО, в 2005 г. комитет продолжил "антиэстонскую деятельность" в виде организации "оправдывающих советский оккупационный режим" исторических лекций в маардуских школах. В качестве примера приведена лекция "Весна 1945 г.", состоявшаяся

18 марта 2005 г. Эти и подобные акции комитета КАПО увязывает с влиянием, оказываемым из России (Kaitsepoltsei 2006: 12–13). Следует отметить, что эстонская спецслужба включала в свои отчеты исторические оценки: "22 сентября 2005 г. участвовавшие во Второй мировой войне ветераны Красной Армии, преимущественно русской национальности, отмечали так называемую годовщину освобождения Таллина от фашистских войск (для эстонцев этот день навсегда останется в памяти как день ликвидации законного правительства Отто Тиефа и повторной оккупации столицы Красной Армией)" (Ibid. 2006: 13).

Еще летом 2006 г. было заявлено, что Полиция безопасности "постоянно и систематически занимается выявлением угрожающих Эстонии действий со стороны российских спецслужб, а также противостоянием таким действиям. В том числе Полиция безопасности представила правительству многочисленные обзоры о попытках различных заинтересованных групп углубить межобщинный конфликт в связи с Бронзовым солдатом на Тынисмяги" (Сообщение 2006).

В 2006 г. одна из названных в годовом отчете КАПО русских организаций обратилась к премьер-министру за разъяснениями о причинах упоминания ее в разделе "Защита конституционного строя". В пришедшем (правда, из МВД) ответе значилось, что в "качестве нападок на конституцию следует рассматривать утверждения о добровольном вступлении Эстонии в состав СССР, оправдывающие аннексию или отрицающие оккупацию" (Письмо 2006). Несмотря на всю странность этого ответа с юридической точки зрения (можно, например, отрицать оккупацию, доказывая факт аннексии), подобное письмо характеризует состояние умов эстонских чинов, отвечающих за вопросы безопасности.

В отчете за 2006 г. эстонская спецслужба называет конфликт вокруг "Бронзового солдата" ("красного монумента") спонтанным, указывает на его этнический аспект и описывает интересы русских политиков в данной ситуации. Против Эстонии, как считает спецслужба, ведется информационная война, причем «у русских радикалов и поддерживающих их российских СМИ главной задачей является создать представление о разделенной Эстонии, где имеются две враждебные общины – гордые русские и "эстонские фашисты"». По оценке Полиции безопасности, жителей Эстонии разделяет не национальный признак, но наличие двух совершенно разных информационных пространств (а именно: многие русские не ориентированы на "свободную журналистику Эстонии и других европейских стран", смотрят российский телевидение и потому становятся жертвой "империалистической идеологии и шовинистической пропаганды") (Kaitsepoltsei 2007: 6). В этом же отчете утверждается, что конфликт вокруг "Бронзового солдата" был раздут лидером Антифашистского комитета и "русскими крайне левыми", что и привлекло внимание общественности к эстонским скинхедам. КАПО считает, что большинство заявлений Антифашистского комитета "составлено и по времени привязано к внешнеполитическим потребностям России" (Ibid. 2007: 9).

Отчеты КАПО бедны доказательной базой. Их ценность, скорее, в том, что они во многом отражают убеждения рядовых эстонцев, касающиеся связанных с меньшинствами "проблем безопасности" (см., напр., Табл. 1 настоящей статьи).

Примечательно, что в ходе опроса в июне 2007 г. заметная часть неэстонских респондентов (в отличие от эстонцев) считала "в очень значительной степени" порождением апрельского кризиса "подавление свободы мнений, ограничение демократии" (46%) и "усиление вмешательства полиции во все сферы деятельности, включая высказывание мнений жителями Эстонии" (30%) (Saar 2007: 38).

Особенности эстонского национализма: вместо заключения

По замечанию В.А. Тишкова, "постсоветские трансформации начались и заканчиваются историческими экскурсами и дебатами вокруг прошлого, особенно советского

прошлого. Но в какой-то мере сами эти трансформации и сопровождающие их кризисы и конфликты были сделаны со ссылками на историю, точнее, на сочиненные версии прошлого и по лекалам исторической пропаганды" (Тиишков 2000: 22). В ходе "войны памятников" в Эстонии исторические интерпретации стали активно вмешиваться в современную жизнь, углубив раскол между эстонской и неэстонской частями общества. В нашей статье приведены данные опросов мнения населения о 1940 г., жестких действиях правительства в Лихула в 2004 г., визите президента А. Рюйтеля в Москву на 9 Мая и по вопросу о демонтаже "Бронзового солдата" в 2007 г. По всем из них представители эстонской и русскоязычной общин придерживаются разных взглядов.

Массовое паломничество к "Бронзовому солдату" на 9 Мая осуществлялось представителями самых разных социальных и возрастных групп неэстонского населения. Есть все основания считать, что победа во Второй мировой войне – важный элемент их идентичности. По сути, только в этот день русские и другие группы нетитульного населения позволяли себе действия, которые эстонская часть общества (по крайней мере, ее элита) воспринимала как открытое выражение нелояльности.

Вместе с тем и для эстонцев важную роль играют вполне определенные представления об истории. На волне политической либерализации эпохи "перестройки" эстонцы пережили успешную этническую мобилизацию и четко выразили свое стремление восстановить независимость страны, вернуть ее в идеализированное довоенное состояние (*restitutio ad integrum*). В основе национализма большинства эстонцев лежало осознание несправедливости, связанной с потерей независимости и включением Эстонии в состав СССР в 1940 г. (Pettai, Hallik 2002: 508). Советский период и советская власть (на бытовом языке *vene aeg* – русское время) увязывались с этническими русскими и русским языком и стигматизировались как чуждое и неорганичное для Эстонии явление. Подобные настроения подогревались также осознанием негативных черт советского режима и в особенности демографическими изменениями в стране после Второй мировой войны (быстрое увеличение числа неэстонцев) и проблемой плохого владения меньшинствами эстонским языком.

В итоге в начале 1990-х годов в Эстонии, как и в других странах Балтии, «восстановленные государства стали инструментом этнического большинства для реализации их интересов и идеалов. Предполагалось, что моральное право делать это основывается на дихотомии между "мы" – нация, жертвы, и "они" – колонисты, угнетатели, которые не имеют право ни на долю общенациональной собственности, ни на участие в возобновлении политической жизни в странах Балтии» (Jurgaitiene, Järve 1997: 126–127). Господствующая в сфере нацистроительства идеология предполагала проведение четких разделительных линий между эстонцами и неэстонцами, которые оказывались по разную сторону "статусных баррикад". Нежелание признать русскоязычных легитимной частью социальной и политической системы оформлялось в начале 1990-х годов даже путем использования определенной терминологии: "незаконные мигранты", "иностранцы", "колонисты" и "захватчики" (Semjonov 2002: 113).

Проведение такой политики не было сложным в условиях, когда среди эстонцев главенствуют представления о себе как о "нации культуры", имеющей четкие границы с окружающим миром и противостоящей внешним "группам", включая меньшинства. Как отмечал Л. Баррингтон, «изучавших центральную Европу и бывший СССР не удивит, что эстонцы определяют свою нацию в этнических терминах... Некоторые... считают, что нация определяется не по крови, но по культуре. Вместе с тем даже это не ограничивает этнический характер нации. Некто может стать эстонцем, только приняв эстонский язык и обычаи. Не высказывается и идея включения культурных особенностей неэстонцев в эту нацию культуры или определить "эстонца" на основе лояльности государству» (Barrington 1995: 134). Это утверждение сохраняет

свою актуальность поныне, несмотря на официально заявленный курс на интеграцию эстонского общества.

В глубоко разделенном обществе, где, по мнению ряда экспертов, сложившаяся система управления ставит только одну этническую группу в привилегированное положение (напр.: *Järve 2000, Pettai, Hallik 2002*), при сохранении институтов либеральной демократии, фильтрами при доступе к власти для меньшинств служили гражданство и знание эстонского языка. При постоянном увеличении числа граждан Эстонии и носителей языка неэстонского происхождения может встать вопрос о дополнительных фильтрах. Как показала "война памятников", спор о событиях 1940 г. и особенно 1944 г. подходит здесь почти идеально. Правда, опасность дальнейшего конфронтационного развития общества в подобном направлении очевидна и некоторым местным экспертам. Недаром проф. М. Хейдметс после апрельского кризиса предложил, кроме прочего, преподавать эстонскую историю в русских школах таким образом, чтобы не вынуждать "родившихся и выросших в Эстонии людей определять себя в качестве оккупантов" (*Heidmets 2007: 8*).

Правда, русскоязычное население Эстонии в массе своей ставит под сомнение трактовку событий 1940 г. в качестве оккупации, равно как и ряд связанных с ними официальных исторических интерпретаций. Поскольку в идентичности обеих этнолингвистических общин Эстонии исторический компонент играет важную роль, а многие события интерпретируются по-разному, задача по выработке общей гражданской объединяющей всех жителей идеологии представляется крайне сложной.

После событий апреля 2007 г. стало совершенно очевидно, что в эстонском контексте "исторические разногласия" имеют заметный конфликтогенный потенциал. С этим согласны и многие участники социологических исследований. В июне 2007 г. 46% эстонцев были убеждены, что "теперь, когда (Тынисмяэский) памятник находится на новом месте", кризис (полностью или скорее) разрешился (против было 36%). Среди меньшинств так полагали лишь 22% (против – 58%) (*Saar 2007: 34*).

Источники и литература

Выводы 2006 – Выводы Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (русская версия) // Estonian International Commission for Investigation of Crimes Against Humanity (www.historycommission.ee).

Гаранжа 2005 – Гаранжа Е. Мир памятников // Молодежь Эстонии. 17 окт. 2005 г.

Дюков 2007 – Дюков А.Р. Миф о геноциде: репрессии Советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007.

Официальное сообщение 2007 – Официальное сообщение МИД РФ от 23 апреля 2007 г. // Посольство Российской Федерации в Эстонской Республике (www.rusemb.ee).

Отражение 2006 – Отражение проблемы "бронзового солдата" в эстонской журналистике 1 мая – 31 июля 2006 // Фонд интеграции неэстонцев (www.meis.ee).

Письмо 2006 – Письмо Министерства внутренних дел от 13 июля 2006 г. № 9.1-5-1/6562 (в архиве автора).

Полещук 2004 – Полещук В.В. Война памятников // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (Ин-т этнологии и антропологии РАН). № 57. Сентябрь–октябрь 2004 г.

Полещук 2005 – Полещук В.В. Латентный этнический конфликт в Эстонии (на примере ситуации в Таллине) // Этнопанорама. 2005. № 3–4.

Полещук 2006 – Полещук В.В. Конфликты вокруг Бронзового солдата // Бюл. сети этнологического... № 67. Май–июнь 2006 г.

Полещук 2007а – Полещук В.В. Парламентские выборы 2007 г. // Бюл. сети этнологического... № 72. Март–апрель 2007 г.

Полещук 2007б – Полещук В.В. Война памятников: "бронзовая ночь" // Бюл. сети этнологического... № 73. Май–июнь 2007 г.

Пресс-релиз 2004 – Пресс-релиз службы коммуникаций Правительства Эстонской Республики от 2 сентября 2004 г.

Пресс-релиз 2006 – Пресс-релиз службы коммуникаций Правительства Эстонской Республики "Премьер-министр Ансип приветствовал участников слета борцов за свободу" от 10 июля 2006 г.

Преступления 2006 – Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Эстония) 1941–1944: Документы и свидетельства. Таллин, 2006.

Сообщение 2006 – Сообщение Delfi от 19 июля 2006 г. "КАПО не возбудила дела о разжигании розни на русских сайтах" // Инфоportal Delfi (rus.delfi.ee).

Сообщение 2007a – Сообщение "ГНС Эмор" от 18 апреля 2007 г. "Andrus Ansipi juhitud valitsust toetab ligi 80 protsenti eestlastest" ("Почти 80% эстонцев поддерживает руководимое Андрусом Ансипом правительство") // TNS Emor (www.emor.ee).

Сообщение 2007b – Сообщение "ГНС Эмор" от 9 мая 2007 г. "Peaminister Andrus Ansip pälvis eestlaste tuetuse ja teiste terava hukkamõistu" ("Премьер-министр Андрус Ансип заслужил большую поддержку эстонцев и резкое осуждение прочих") // TNS Emor (www.emor.ee).

Тушков 2000 – Тушков В.А. Политическая антропология. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000.

Barrington 1995 – Barrington L.W. Nations, States, and Citizens: An Explanation of the Citizenship Policies in Estonia and Lithuania // 21 Review of Central and East European Law. 1995. № 2.

Ilves 2002 – Ilves T.H. The OSCE Mission in Estonia // Helsinki Monitor. 2002. Vol. 13. № 4.

Jurgaitiene, Järve 1997 – Jurgaitiene K., Järve P. The Baltic States: Renationalisation of Political Space / Ed. P. Joenniemi. Neo-Nationalism or Regionality: The Restructuring of Political Space Around the Baltic Sea Rim. Stockholm, 1997.

Järve 2000 – Järve P. Ethnic Democracy and Estonia. Application of Smooha's Model. Flensburg, 2000.

Heidmets 2007 – Heidmets M. Rahvussuhete ja integratsioonipoliitika hetkeolukorra analüüs. Uuring "Eesti ühiskonna integratsiooni võimalikkuse peale pronksööd" (Анализ состояния национальных отношений и интеграционной политики: Исследование «О возможностях интеграции эстонского общества после "бронзовой ночи"») // Rahvastikuministri büroo (www.rahvastikuminister.ee).

Kaitsepolitsei 2006 – Kaitsepolitsei aastaraamat 2005 (Ежегодник Полиции безопасности 2005). Таллин, 2006. Kaitsepolitseiamet (www.kapo.ee).

Kaitsepolitsei 2007 – Kaitsepolitsei aastaraamat 2006 (Ежегодник Полиции безопасности 2006) // Kaitsepolitseiamet (www.kapo.ee).

Kook 2007 – Kook U. Laaneots: Venemaa on muutunud Eestile ohtlikumaks (Лаанеотс: Россия стала опаснее для Эстонии) // Eesti Päevaleht Online. 20. juuni 2007.

Küüditamine 1990 – Küüditamine (Депортация) // Eesti Entsüklopeedia (Эстонская энциклопедия). Tallinn, 1990.

Parmas 2006 – Parmas A. Otto Tief ja 1944. a. Vahevalitsus (Отто Тiefert и переходное правительство 1944 г.). Tartu, 2006.

Pettai, Hallik 2002 – Pettai V., Hallik K. Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Co-optation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. № 4.

Saar 2007 – Saar A. Rahvussuhted ja integratsioonipoliitika väljakutsed pärast pronksööduri kriisi (Национальные отношения и вызовы интеграционной политики после кризиса с "Бронзовым солдатом") // Rahvastikuministri büroo (www.rahvastikuminister.ee).

Semjonov 2002 – Semjonov A. Estonia: Nation Building and Integration. Political and Legal Aspects / Ed. P. Kolstoe. National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova. Lanham; Boulder; N.Y.; Oxford, 2002.

Sildam 2005 – Sildam T. Rüütli otsus tõi ilmsiks ühiskonna erimeelsused (Решение Рюителя выявило в обществе разницу во взглядах) // Postimees. 9. märts 2005.

Vetik 2006 – Vetik R. Kaks riiki ja kolm ajalugu: kas Venemaa vabandab Eesti ees? (Два государства и три истории: извинится ли Россия перед Эстонией?) Выступление на конференции "Ajalugu ja poliitika" ("История и политика"). Таллинский университет, 14 октября 2006 г. (в архиве автора).

V.V. P o l e s h c h u k. The "War of Monuments" in Estonia: Ethnic Aspect

In 2004, in the town of Lihula in Western Estonia, a monument to "Estonians in the German Army Outfit" had lived for two weeks. Its dismantling provoked vandalism acts directed against monuments to Red Army soldiers who had died fighting in World War II. This marked the beginning of the "war of monuments" in Estonia, which eventually led to street unrest and heated debates on "symbols of Soviet occupation" that split ethnic/language groups and raised an array of important social and cultural issues. The situation is in the focus of attention in the article.